

БУДДИЙСКИЕ МОНАСТЫРИ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ В РОССИИ И КИТАЕ¹

В работе рассматривается вопрос об отношении буддийских монастырей и государственной власти на территории современной Бурятии (Россия) и в Китае в периоды распространения буддизма. Показано, что, несмотря на имеющиеся различия в рассматриваемых обществах, отношения буддийских монастырей и государственной власти демонстрируют подчиненное положение буддийской религии.

Ключевые слова: буддийские монастыри; государственная власть; бурятское обновленчество; эпоха Тан; конфуцианство.

Mazur Tatyana Gennadievna
 Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Ulan-Ude, Russian Federation

BUDDHIST MONASTERIES AND STATE POWER IN RUSSIA AND CHINA

The article deals with the issue of the relations between the Buddhist monasteries and the state power in the territories of modern Buryatia (Russia) and China during the periods of the penetration of Buddhism. It is demonstrated that in spite of the differences in the societies under consideration the relations between the Buddhist monasteries and the state power indicate the subordinate position of the Buddhist religion.

Keywords: Buddhist monasteries; state power; the Buryat renovationism; the T'ang epoch; confucianism.

По мере своего распространения и проникновения в те или иные сообщества религиозное вероучение не только начинает вступать во взаимодействие с элементами духовной подсистемы социума, но и выходить за ее пределы. В экономической подсистеме общества религия в лице церквей, монастырей и т.п. предстает как дополнительный субъект распределения и потребления материальных благ, в политической подсистеме она вступает во взаимодействие с политическими институтами, инициирует выработку государственной религиозной политики и т.д. Интенсивность и широта взаимодействия религиозного вероучения с элементами различных подсистем общества могут служить показателем степени его влияния на общество и успешности его адаптации в новой социальной среде.

Применительно к буддизму одним из таких показателей служит отношение буддийских монастырей с государственной властью на той территории, где распространялось это вероучение.

Понятие «государственная власть» в данном случае трактуется узко, как субъект управления обществом. Необходимо отметить, что при монархических и деспотических формах правления, когда государственная власть принадлежала одному человеку и признавалась неограниченной, государственные решения зачастую принимались им с учетом интересов и мнения представителей окружающей его знати, политической элиты, т.е. фактически управление обществом осуществлял не индивидуальный, а коллективный субъект. Это обстоятельство следует иметь в виду и говоря о распространении буддизма в Бурятии (Россия) и, прежде всего, в Китае, не сводить государственную религиозную политику в отношении этого вероучения лишь к пристрастиям и благосклонности отдельных правителей.

В данной работе рассмотрим, как формировались отношения буддийских монастырей и государственной власти как коллективного субъекта управления обществом на территории современной Бурятии (Россия) и в Китае в периоды распространения и закрепления буддийской религии.

На территории нынешней Бурятии буддизм, проникнув в начале XVII в. и получив широкое распространение,

в 1741 г. был официально признан российским правительством в лице императрицы Елизаветы Петровны, узаконившей существование 11 дацанов и 150 лам при них, официально разрешившей буддийским монахам религиозные проповеди и другую деятельность среди бурят и освободившей их от податей и всякого рода повинностей. Известно, что в дореволюционной Бурятии функционировало уже более 40 дацанов [Ламаизм..., 1983, с. 118], а численность лам доходила до 15 тысяч человек [Герасимова, 1964, с. 151].

Государственная власть России в лице царского правительства активно использовала буддизм в политической сфере в качестве инструмента социальной регуляции местного населения и дипломатии в отношениях с Китаем, Монголией и Тибетом, что обусловило подобный рост числа дацанов и лам. Помимо этого, буддийские монастыри играли важную роль в социальной и духовной подсистемах общества. Дацаны способствовали этнической консолидации бурят, а также выполняли, помимо религиозных обрядов, культурно-просветительские функции: развивали книгопечатание, зодчество, тибетскую медицину, распространяли грамотность среди бурятского населения [Буддизм..., 2016, с. 168–173].

В Китае буддизм проник в первых веках нашей эры и достиг своего расцвета ко времени эпохи Тан (618–907). В начале эпохи Тан строительство буддийских монастырей также поощрялось государственной властью. Так, по указу императора Тай-цзуна (627–649) буддийские храмы были возведены на всех полях старых сражений, а по указу императрицы У-хоу (684–704) в каждом округе страны были построены монастыри Да юнь (монастыри Большого облака, названные так в честь сутры «Да юнь цзин»). В годы правления Сюань-цзуна (713–756), когда буддизм пребывал на пике своей популярности, количество храмов и монастырей увеличилось по сравнению с начальным периодом Тан практически в два раза [Чжунго фоззяо, 1996, с. 62]. К середине IX в., как явствует из дневника японского буддиста-пилигрима Эннина, вся страна уже была буквально покрыта густой сетью буддийских монастырей, храмов и пагод, причем многие монастыри превратились

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.3 «Комплексное исследование религиозно-философских, историко-культурных, социально-политических аспектов буддизма в традиционных и современных контекстах России и стран Центральной и Восточной Азии», № АААА-А17-117021310263-7).

в крупные хозяйственные единицы, владеющие землей и имеющие разнообразные источники доходов [Васильев, 1970, с. 343–348].

Китайское правительство также активно использовало буддизм в политических целях. Первые танские правители, последовательно придерживающиеся в своей политике концепции равенства «варварского» и «китайского», рассматривали буддизм как учение, наиболее подходящее на роль унифицирующей силы, способной объединить различные народы и культуры империи [Hartman, 1986, р. 129]. Роль буддизма была велика в социальной и духовной сферах: монастыри содержали больницы, осуществляли медицинскую помощь населению, учреждали бесплатные столовые, ночлежки, являлись центрами обучения.

Поддерживаемый государственными властями, буддизм занял важное место не только в духовной, но и в политической и социальной сферах рассматриваемых обществ. Однако, превратившись в полноценного субъекта в сфере потребления и распределения материальных благ, буддизм в лице буддийских монастырей, ставших значимыми экономическими единицами, столкнулся с необходимостью урегулирования отношений с государственной властью в экономической сфере. Интересно отметить, что этот процесс шел в рассматриваемых обществах по-разному.

В Бурятии необходимость реформирования буддизма в экономическом плане была осознана со стороны самих буддистов. Это требование прозвучало в контексте обновленческого движения на рубеже XIX–XX вв., связанного с именами бурятских ученых и общественно-политических деятелей А. Доржиева, Ч. Иролтуева, Ц. Жамцарано, Б. Барадина, М. Богданова и др. Административная составляющая процесса обновления, помимо прочего, предполагала изменение принципов распределения получаемых дацанами доходов, определение порядка формирования расходных статей церковного бюджета, введение ограничений на личные расходы ламства по своему содержанию и т.д. [Буддизм..., 2016, с. 267]. Документы, обсуждаемые на первом духовном съезде буддистов в октябре 1922 г., «Положение об управлении духовными делами буддистов Сибири» и «Устав внутренней жизни монашествующих в буддийских хитах Сибири», содержали специальные пункты об экономических преобразованиях быта духовенства: вся движимая и недвижимая собственность монастырей и духовенства переходит к приходской общине, доходы лам и их имущество обобществляются, ламам запрещается иметь предметы роскоши, носить одежду, обувь и головные уборы из дорогих материалов [Герасимова, 1964, с. 68]. Обновление бурятского буддизма в значительной степени затрагивало его внешнюю атрибутику, например, пышное убранство храмов и др.

Литература

Буддизм в социокультурных и политических процессах России, Внутренней и Восточной Азии: трансформации и перспективы. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госун-та, 2016. 456 с.

Васильев Л, с. Культы, религии, традиции в Китае. М.: Наука, 1970. 484 с.

Герасимова К. М. Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства (1917–1930). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. 179 с.

Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX вв.: Структура и социальная роль культовой системы. Новосибирск: Наука, Сибирское отд-ние, 1983. 240 с.

Письменные памятники Востока. 1972. М.: Наука, 1977, с. 203–223.

Хань Юй ши вэнь и ши (Стихи и проза Хань Юя с переводом и комментариями). Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 1985. 313 с.

Хань Юй, Лю Цзунъюань. Избранное / пер. И. Соколовой. М.: Художественная литература, 1979. 230 с.

Чжунго сысян тунши (Всеобщая история китайской мысли). В 4 т. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1959. Т. 4. Ч. 1. 594 с.

Чжунго фочзяо (Китайский буддизм). В 4 т. Шанхай: Дунфан чубань чжунсинь, 1996. Т. 4. 394 с.

Hartman C. Han Yü and the T'ang Search for Unity. Princeton: Princeton University Press, 1986. 460 p.

В Китае подобное требование вначале было выдвинуто не представителями буддизма, а чиновниками-конфуцианцами, т.е. со стороны государственной власти². Отчетливо оно прозвучало уже в эпоху Тан, период наивысшего расцвета буддизма и буддийских монастырей. Так, танский чиновник, поэт и публицист Хань Юй (768–824) в своих работах выступал за полное искоренение буддийских монастырей из сферы распределения и потребления материальных благ, обосновывая тезис, что буддийская община – это бесполезный, а потому «лишний», элемент общества [Хань Юй, 1985, с. 151–160, с. 180–194; Письменные памятники..., 1972, с. 205; Хань Юй..., 1979, с. 30–33].

Будучи подконтрольной государственной власти, буддийская община в рассматриваемых обществах полностью зависела от государственной религиозной политики. Так, на территории Бурятии с усилением атеистической работы среди населения и началом коллективизации в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. буддизм становится объектом политического преследования, буддийская церковь и духовенство подвергаются репрессиям. В этот период происходят разгромы дацанов, их закрытие, использование их помещений для других целей. Как следствие, их количество, как и количество лам, сокращается в десятки раз, а буддийская религия «уходит в подполье» [Буддизм..., 2016, с. 257–259].

В Китае буддизм также подвергается гонениям с целью подрыва его экономического могущества. Самое масштабное из них пришлось на эпоху Тан на период правления императора У-цзуна (841–846). Оно нанесло сокрушительный удар по китайской сангхе, от которого она уже не смогла окончательно оправиться. После того как в 845 г. У-цзун приказал разрушить буддийские храмы и статуи, а имущество монастырей конфисковать в государственную казну, было разрушено более чем 4600 крупных монастырей и около 40 тыс. мелких, возвращено в мир более 260 тыс. монахов и монахинь, освобождено 150 тыс. рабынь и конфисковано 10 млн цин земли [Чжунго фочзяо, 1996, с. 63].

Таким образом, выходя за пределы духовной подсистемы общества свидетельствует о широком распространении буддизма в рассматриваемых обществах. В то же время отношения буддийских монастырей и государственной власти демонстрируют подчиненное положение буддийской религии. И если в Бурятии (Россия) буддизм делает попытки диалога с государственной властью и участия в формировании государственной религиозной политики, то в Китае конфуцианский государственный аппарат не допускает буддизм к сфере управления государством, и государственная власть в зависимости от политических потребностей просто использует те или иные его положения.

² Гораздо позже, в начале XX в., оно стало исходить от самих буддистов.